

Глава III

И ВСЕ-ТАКИ СЕПАРАТНЫЕ...

22 ноября «Правда» и «Известия ЦИК» помещают обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Оно публикуется за подписью Сталина и Ленина¹. Обращение было составлено Сталиным², рассматривалось на заседании СНК 20 ноября и тогда же было подписано Лениным³. В документе подчеркивалось, что «близится конец кровавой войны, начатой из-за дележа чужих стран», что в своем стремлении «добиться честного мира» Советская власть надеется также и на поддержку мусульман России и стран Востока. Обращение в отношении советских мусульман декларировало: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»⁴. Таким образом, Советская власть продолжала расширять социальную базу строительства нового общества, борьбы за мир и дружбу между народами всех стран, международной поддержки своих миролюбивых устремлений.

В Петрограде в это время продолжал заседать (18—25 ноября)⁵ I Всероссийский съезд военного флота.

¹ См.: Правда. 1917. 22 ноября; Известия ЦИК. 1917. 22 ноября.

² См.: Декреты Октябрьской революции. С. 137.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 74, 76.

⁴ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 134—135; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 34.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 461.

В повестке был и вопрос о текущем моменте. Уже на второй день работы, 19 ноября, делегация съезда посетила Смольный с целью пригласить Ленина выступить на нем¹. Ленин обещал сделать это 22 ноября. И вот в 15 часов он приезжает на пятое заседание съезда и выступает о текущем моменте².

В последней части своей речи он подробно останавливается на вопросе о войне. Подчеркнув, что все партии до сих пор больше говорили о борьбе против войны, и лишь теперь борьба за мир началась практически, и она будет трудной, Ленин пророчески предупреждал: «Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит только лишь заикнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек. Кто приписывал этот взгляд большевикам, тот обманывал»³. Он разъясняет делегатам, что покончить с войнами можно лишь путем победы над старым общественным строем, капитализмом, «и в этом смысле Советская власть начала борьбу»⁴. Ленин говорит о практических мерах, принимаемых Советской властью в этой области, о том, что, публикуя тайные договоры, мы помогаем народам видеть, из-за чего их гнали на бойню, подчеркивает, что никакая злоба, клевета и ненависть, которую «буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру», не остановит нашей борьбы против войны, за мир⁵.

Касаясь в своей речи мирных переговоров в Брест-Литовске, Ленин объясняет их временный перерыв уклончивой позицией делегации Германии по вопросу о непереброске своих освобождающихся в результате перемирия войск с русского на западный и итальянский фронты⁶.

И в то же время, когда вся трудовая и честная Россия в тылу и на фронте ждала мира, Ленин, нисколько не заискивая и не скрывая правды, прямо и с глубокой верой в народ заявлял: «Если же представить такой случай, когда немецкий рабочий класс пошел бы вместе со своим правительством хищников-империалистов, и мы стали бы перед необходимостью продолжать войну, то

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 72.

² См. там же. С. 77.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 116.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. С. 116, 117.

⁶ См. там же. С. 117.

русский народ, умевший безропотно проливать свою кровь, не зная зачем и во имя каких целей исполнявший волю душившего его правительства, без всякого сомнения с удесятеренной энергией, с удесятеренным героизмом пошел бы на борьбу тогда, ибо речь шла бы о борьбе за социализм, за свободу, на которую направила бы штыки международная буржуазия»¹.

В этот же день, 22 ноября, во все российские дипломатические учреждения за границей за подписью Троцкого ушла циркулярная телеграмма. В ней от имени СНК всем служащим этих учреждений предлагалось немедленно и категорически ответить, «согласны ли они проводить ту международную политику», которая определена II Всероссийским съездом Советов и которая «нашла себе выражение в мероприятиях, направленных к скорейшему заключению мира»². Телеграмма предупреждала, что если служащий российского дипломатического заграничного представительства, не отказываясь от своей должности, станет проводить политику, враждебную Советской власти, то это будет приравнено «к тягчайшему государственному преступлению»³.

23 ноября Троцкий от имени советского внешнеполитического ведомства доводит до сведения послов Великобритании, Франции, США, Италии, Китая, Японии, Румынии, Бельгии и Сербии, что переговоры в Брест-Литовске прерваны на неделю, дабы иметь «возможность в течение этого времени информировать народы и правительства союзных стран о самом факте переговоров, об их направлении»⁴. Коротко пояснив ход переговоров, Троцкий обратил внимание послов на то обстоятельство, что между провозглашением Советской властью Декрета о мире и моментом предстоящего возобновления 29 ноября по старому стилю мирных переговоров пролегал срок свыше месяца. «Этот срок,— подчеркивал Троцкий,— представляется даже при нынешних расстроенных средствах международного сообщения совершенно достаточным для того, чтобы дать возможность правительствам союзных стран определить свое отношение к мирным переговорам, т. е. свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о перемирии и мире

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 117—118.

² Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 41.

³ Там же.

⁴ Известия ЦИК. 1917. 24 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 41—42.

и,— в случае отказа,— открыто перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны»¹. Итак, Советская власть в очередной раз предлагала союзным державам присоединиться к мирным переговорам.

23 ноября Ленин среди прочих дел этого дня подписал постановление СНК о назначении М. С. Кедрова в Наркомат по военным делам — по отделу демобилизации армии². Обычный декрет, одно из многих решений Советского правительства, подписанное Лениным. И все же обратим на него внимание потому, что в эти дни Ленин все чаще принимает участие в обсуждении вопросов или в подписании документов, касающихся Красной гвардии. Например, 20, 23, 25 ноября³. Внимание Ленина к этому вопросу диктовалось как общей обстановкой в стране, так и развитием событий в Брест-Литовске. Все более беспокойно становилось на юге России, пока ближайшем к Москве и Петрограду районе страны, где контрреволюция уже свила себе на Дону прочное гнездо. На явно антисоветские позиции переходила Украинская Центральная рада, и вопросы отношений с ней начинали в эти дни занимать свое место на заседаниях СНК, тревожить Ленина⁴. На Урале против Советской власти поднял восстание атаман Дутов. На борьбу с контрреволюцией Советская власть посылала имеющиеся в ее распоряжении силы, но это были в большинстве случаев рабочие отряды, красногвардейцы, матросы. Настоящей армии у Советской власти не было.

Естественно, что в этой обстановке не сходил с повестки дня вопрос о том, чем отражать усиливающийся натиск внутренней контрреволюции, как быть с внешней опасностью, если переговоры в Брест-Литовске закончатся ничем или империалисты от угроз в адрес Советской власти перейдут к прямым действиям против нее. Отсюда понятны и призывы к находившейся в окопах армии сохранять бдительность. Они исходили прежде всего от большевиков, которых по ряду вопросов в этот период поддерживали и левые эсеры. Их, например,

¹ Известия ЦИК. 1917. 24 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 41—42.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 78.

³ См. там же. С. 74, 79, 85.

⁴ См. там же. С. 72, 80.

начавшая выходить в Москве газета «Социалист-революционер», сообщая о проходивших на фронте переговорах относительно перемирия, то есть о так называемых «солдатских мирах», в то же время призывала: «Но, товарищи крестьяне, армия не может уйти с фронта, пока мир не заключен, армия вынуждена зорко следить и быть всегда готовой к бою, если наше предложение мира будет отвергнуто»¹. К сохранению боеспособности армии призывал в эти дни и Московский Совет. «Крестьяне! Не дайте погибнуть нашей армии,— подчеркивалось в одном из его призывов.— Погибнет она — погибнут все наши лучшие надежды, нас голыми руками возьмет снова помещик, капиталист, кулак задавит нас»².

Решение вопросов, связанных с защитой завоеваний революции, неизбежно должно было натолкнуться и начинало наталкиваться на отсутствие той силы, которая могла не только обеспечить сохранение уже достигнутого Советской властью, но и гарантировать ее продвижение вперед по пути строительства нового общества. И создание такой охраняющей революцию силы все более выдвигалось в повестку дня, идея о ней уже веяла, так сказать, в воздухе. Определенная материальная база у Советской власти для этого была: усиленно шло создание и формирование организационного аппарата защиты революции и ее завоеваний, всемерно укреплялись красногвардейские и рабочие отряды. В отношении этих частей большевики пока продолжали проводить принцип добровольности при их организации, руководствуясь своим программным требованием о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа, которое было выдвинуто ими задолго до Октября 1917 года. Формирование Красной гвардии и проходило на основе этого требования. «Наша задача,— говорил Ленин, выступая 29 октября 1917 года на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона и касаясь вопроса о водворении порядка в городе,— которую мы ни на минуту не должны упускать из виду — всеобщее вооружение народа и отмена постоянной армии»³.

Но жизнь заставляла вносить коррективы в те или иные подходы к проблемам организации борьбы в защиту революционных завоеваний, в самой партии выкристаллизовывались различные точки зрения на этот счет,

¹ Социалист-революционер. 1917. № 2. 21 ноября.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 40.

равно как и на перспективы развития революционного процесса в России вообще, на гарантии его необратимости. Каким представляется замирение с империалистами? Можем ли мы садиться с ними за стол переговоров? Пойдут ли они на мир с нами? Будет ли этот мир прочен? При каких условиях мир будет способствовать развитию революции, а сама она станет непобедимой? Все это были не праздные вопросы, они рождались самой жизнью, выплескивались на страницы газет и журналов, звучали в речах ораторов. И все эти неоднозначные точки зрения прямо или косвенно имели отношение к переговорам в Брест-Литовске, где Советская власть решала вопрос стратегической важности, вопрос своего будущего развития.

Дискуссии по этим вопросам начинали переноситься в партию, ее руководящие органы. Характерно в этом отношении заседание Петроградского комитета РСДРП(б) от 16 ноября, где проблема предстоящих мирных переговоров с Германией вызвала споры. Выступивший в прениях В. Н. Нарчук (в феврале 1920 года на Южном фронте его сразит тиф), касаясь вопроса о состоянии русской армии и намечавшихся переговоров с немцами, говорил: «С такими солдатами начинать новую войну невозможно. Раньше мы надеялись на всеобщий мир, теперь мы заключаем мир с Гинденбургом и даже не с немецким народом. С нами случится то же, что с эсерами,— мы потеряем авторитет, потому что не платим по векселям, которые мы выдали»¹. Г. К. Орджоникидзе, упрекая Нарчука за отсутствие у того веры в социальную революцию на Западе, заявил, что если надо, то мы все пойдем на революционную войну, но сейчас вопрос об этом так не стоит². В свою очередь С. Н. Равич, говоря о Красной гвардии, подчеркивал необходимость создать революционную армию, которая могла бы противостоять окружающим нас врагам — буржуазии всех стран³.

Еще более острые споры разгорелись на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) 23 ноября, то есть на следующий день после перерыва переговоров в Брест-Литовске и в день опубликования в печати правительственного сообщения об этом и о ходе переговоров. Засе-

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927. С. 356.

² См. там же. С. 357.

³ См. там же.

дание комитета проходило вечером, председательствовал на нем С. В. Косиор, с докладом о международном положении выступил Карл Радек¹. «Мы всегда выдвигали перспективу международного восстания,— говорил Радек,— и мы не ошиблись. В Германии — движение, которое определит исход борьбы; это движение больше, чем можно было ожидать»². По сути дела, Радек ратовал здесь за революционную войну. Указывая, что немецкое правительство, начав переговоры, тем самым «не сможет двинуть своих корпусов на русскую революцию», он в то же время считал, что «условия мира», которые оно нам предложит, «будут для нас неприемлемы»³. Подытоживая, Радек в своей речи сформулировал три основных положения: наше правительство, вступив в переговоры, не уклонилось от правильной линии и «продолжает звать рабочих всех стран к борьбе»; наше правительство «должно отстаивать условия мира, отвечающие интересам международного пролетариата», и наконец, «надо готовиться не на захватный бой, но всеми мерами готовить революцию в других странах»⁴. Другими словами, Радек снова проводил мысль о важности готовить революционную войну. «Мы держимся только потому, что не пошли на соглашение,— подчеркивал он.— Углубить революцию можно не уступками, а проведением твердой линии... Судьба русской революции будет решаться не только в России, но и во всей Европе. ...Опасность состоит в том, чтобы народные массы не толкали нас на мир, который неприемлем»⁵.

Выступивший Безработный (Д. З. Мануильский) выразил несогласие с тезисом Радека о подготовке революционной войны. Заявив, что наша активная политика по вопросам мира придает нам силы, и в этой связи обратив внимание на слова Радека «о возможности для нас вести революционную войну ради защиты революции», оратор сказал, что «последствия мира ликвидируют невыгодные условия мира — вспыхнет международная революция»⁶. По вопросу о продолжении войны Мануильский говорил: «В России нет возможности даль-

¹ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 360.

² Там же. С. 361.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 361—362.

⁵ Там же. С. 362.

⁶ Там же.

ше воевать. Если мы в ближайшем времени не дадим армии мира, то могут возникнуть необычайные трудности, чтобы удержать армию на фронте, и в этом вопросе я разойдусь с тов. Радеком»¹.

Несогласие с Мануильским и поддержку тезиса Радека о революционной войне высказал на заседании Г. Е. Евдокимов. «Нам придется говорить и даже придется делать революционную войну, если это будет необходимо,— заявил оратор.— Самая разгрузка фронта — факт, отвечающий ведению революционной войны. Замалчивать вопрос о ведении революционной войны нельзя... Это может быть губельно для нашей партии»².

Тревогу за состояние фронта проявил и следующий выступавший — М. Горелик. По его мнению, сепаратный мир может стать «не следствием переговоров, а следствием сильного нажима на наш фронт, он может быть нам только продиктован»³. И в этой связи Горелик говорил о необходимости «пополнить армию революционным элементом, рабочими, которых можно достать только с заводов и фабрик»; он подчеркивал, что «Красная гвардия должна быть послана в первую очередь на фронт, так как без революционной армии невозможно заключить мир»⁴.

В поддержку брест-литовских переговоров выступил М. М. Харитонов, заявивший, что могут создаться условия, когда сепаратный мир станет неизбежным, даже если условия, которые выдвинет Германия, могут быть для нас и неприемлемыми. «Не можем же мы отказаться от мира только потому,— говорил Харитонов,— что союзники отказались участвовать в переговорах»⁵. Оратор призывал все эти вопросы освещать на митингах.

Отстаивая свою точку зрения, Евдокимов подчеркивал, что «мы живем в обстановке социальной революции» и не должны бояться, что «массы нас не поймут», на что последовала реплика другого выступавшего — П. Л. Пахомова, заявившего, что «если будет необходимость вести революционную войну, то массы поймут, что необходимы часовые для защиты» революции⁶.

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 362.

² Там же. С. 362—363.

³ Там же. С. 363.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См. там же. С. 363—364.

В своем заключительном слове Карл Радек, согласившийся с точкой зрения Евдокимова по вопросу о революционной войне, высказался и относительно того, как он понимает положение России в окружающем нас мире. «Перехожу к сепаратному миру,— заключил Радек.— Я не верю в то, чтобы Вильгельм был принужден дать нам честный мир. Если революционное движение в Германии будет настолько сильно, что принудит Вильгельма заключить мир, то это движение перекинется... в другие страны, и мир будет всеобщим. ...Война накопила такой горючий материал, что если даже нас сейчас не поддержат, нас разобьют, то через 1/2 года вспыхнет международная революция. Победа пролетариата в одной стране невозможна. Единственная реальная политика — это политика революционного дерзания. Теперь малейшее шатание, малейший компромисс может погубить революцию. Никаких сделок с капитализмом»¹.

Пока же в переговорах наступил перерыв. Но военные действия, как известно, не возобновились. Одно это уже было огромным достижением Советской власти. После возвращения нашей делегации в Петроград 24 ноября состоялось объединенное заседание ВЦИК и Петроградского Совета, заслушавшее отчет о ходе переговоров в Брест-Литовске. Докладывал Каменев. Подчеркнув, что задачей нашей делегации было «перевести дело мира из области слова в область дела», Каменев обратил внимание заседания на то важное в политическом отношении обстоятельство, что «состав нашей делегации нарушил все представления старого мира о дипломатии и о том, как должны вестись переговоры между государствами. Вы послали для переговоров не дипломатов, а представителей политических партий... а также представителей тех слоев, которые осуществляют власть...»². Он подробно доложил на заседании о тех пунктах условий перемирия, по которым возникали в Брест-Литовске разногласия. Так, по вопросу о запрещении переброски войск он подчеркивал: «Мы заключаем перемирие, ведем борьбу за мир не путем предательства рабочих и крестьян, одетых в солдатский мундир, к какой бы стране они ни принадлежали, и мы требуем гарантий, что перемирие не будет использовано против

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 364.

² Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

союзных народов»¹. Рассказал он и о причинах настойчивых требований советской делегации очищения Моонзундских островов. Это делалось, говорил Каменев, по совету наших военных экспертов, считавших, что с этих позиций создается непосредственная угроза Петрограду, революции. Мы не рассматривали условий перемирия, представленных в письменной форме другой стороны, говорил на заседании Каменев, а предложили устроить перерыв в переговорах, чтобы обратиться к народу, к вам за указаниями о наших дальнейших шагах в Брест-Литовске. Каменев доложил также, что мы требовали гарантировать братание солдат на фронте, но после дискуссий согласились на пункт в следующей редакции — «организованное общение солдат воюющих стран допускается»². Что же касается свободного провоза революционной литературы из России в Германию, а через нее и в другие воюющие страны, то немцы охотно соглашались, объяснял Каменев на заседании, доставлять такую литературу в Англию, Италию и Францию, но были против ее доставки в Германию, и поэтому мы не смогли принять этих «услуг» Германии. Оценивая первый этап работы мирной конференции, Каменев указывал: «Я могу сказать смело на основании своих впечатлений — для сепаратного мира у Германии предел уступок весьма и весьма широк»³. И далее он заключал: «Мы были смелы, так как мы выражали стремления народов всего мира к миру. С одной и другой стороны испробована сила штыков, но не использована еще сила революционного энтузиазма народов всего мира, а эта сила огромна»⁴.

С уверенностью в успех переговоров выступал в этот же день, то есть 24 ноября, на съезде левых эсеров и член нашей делегации Мстиславский. Подчеркивая, что в Брест-Литовске мы определенно «заявили о своей платформе всеобщего демократического мира и показали, что от этой платформы не отступим ни на йоту», оратор еще раз подтвердил, что мы «мыслим только о мире демократическом, о мире всеобщем и честном, а не о варварском сговоре отдельных государств за счет угнетенных народов»⁵. «Я лично думаю — немцы стараются

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 27 ноября.

идти на уступки», — подытожил свое выступление Мстиславский¹.

Оптимистически прозвучало мнение о первом этапе работы мирной конференции в Брест-Литовске и рядового члена нашей делегации Н. К. Белякова, который представлял в ней солдатскую фронтовую массу, хотя сам он был старшим унтер-офицером². Беляков в газете заявлял: «...у меня полная уверенность, что заключение с немцами перемирия и мира вполне возможно и без проволочек»³.

И здесь мы позволим себе еще процитировать отдельные места и статьи «Брестские переговоры» С. Мстиславского, который напишет ее по свежим следам, но все же спустя ряд дней, а опубликует эту статью выходящая в Севастополе газета эсеров «Вольный Юг»⁴. Думается, автор весьма зримо и хорошо подметил ряд деталей брест-литовских переговоров, в ходе которых за столом встретились два диаметрально противоположных мира. «Поединок начался» — так сразу же характеризовал автор открытие переговоров, представляя делегации. Мстиславский писал: «Весь ряд германской делегации поблескивает разноцветной эмалью крестов, полумесяцев и звезд на темных походных мундирах. И, отрываясь глазами от этого ряда, перенося взгляд на «нас», «чувствуешь», в буквальном смысле «глазами», глубокое различие двух — лишь узкой полосой стола разделенных в этой комнате — миров. Разве не «символичны» в высшей мере хотя бы только эти — точно нарочно друг против друга посаженные — старый, сивый весь, до прозелени, крестьянин Сташков, в зипуне и рубахе — и австрийский ротмистр, в невозможной высоты желтом воротнике, весь усеянный побрякушками, униженный кольцами — от мизинца до большого пальца».

Мстиславский дает и оценку сил, севших друг против друга за стол переговоров, оценку, не лишенную определенных оснований. Он подчеркивает: «...силы двух — сошедшихся на этот поединок — станов были слишком явно, слишком вопиюще неравны. Русская делегация, собранная наспех, из элементов далеко не «одинаковой тактики» и — главное всего — совершенно не успе-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

² См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 25 ноября.

³ Там же.

⁴ См.: Вольный Юг. Севастополь. 1917. 8 декабря.

ших столкнуться между собой, не имевшая строго выработанных директив — за исключением «ядра» делегации, трех представителей партии большевиков, получивших инструкции от Совета Комиссаров, должна была состязаться с противником опытным, заранее обдумавшим все свои ходы. Недаром перед каждым из германских и союзных им делегатов лежали аккуратно отлитографированные листки с какими-то инструкциями, замечаниями, меморандумами... А перед нами лежали только — теми же немцами заготовленные, в чистеньких синих папочках — чистые листы бумаги».

И далее Мстиславский продолжал: «Правда, делегация — отвергнув «приемы старой дипломатии», предлагала германцам померяться силами как будто новым методом, исключавшим преимущества «прежней подготовки» противника. Но вся беда в том, что существо всякого рода «преимуществ» — не в самих приемах, но в опыте». В доказательство этого положения Мстиславский приводит в своей статье пример из переговоров в Брест-Литовске, указывая на следующий факт: «...когда — до приступа к «поединку» т. Иоффе — многозначительно указал ген. Гофману на «особенность» наших дипломатических приемов, совершенную прямоту заявлений и полную гласность каждого произносимого здесь слова, — председатель немецкой делегации принял это к сведению с совершенным спокойствием, в котором светилась твердая вера, что... политика останется политикой, даже когда ее ведут «санкюлоты»...»

25 ноября объединенное заседание ВЦИК и Петроградского Совета продолжило свою работу. Началось обсуждение отчета советской мирной делегации. Оно было острым: высказывались возражения против деятельности большевиков в Брест-Литовске и вообще по вопросу о мире, вносились конструктивные предложения. Много месяцев большевики говорили, указывал, например, в своем выступлении Лапинский, что мир надо заключать через головы империалистических, разбойничьих правительств, а теперь вступили в переговоры с представителями этих правительств¹. Лапинский заявлял, что большевики предаются иллюзиям, ведя переговоры с генералами, что этот факт говорит об отречении левых течений от интернационализма². С позиций непризнания Советской

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

² См. там же.

власти выступил Линдов, подчеркивавший, что окончательные условия перемирия и мира будут выработаны Учредительным собранием, поскольку нынешняя власть, мол, никем не признана и не уполномочена говорить от имени русского народа¹.

От фракции левых эсеров на заседании выступил член советской делегации Мстиславский². Подчеркнув, что в нашей работе в Брест-Литовске были дефекты и шероховатости, которых необходимо избегать в будущем, поскольку слишком велика ответственность и тяжесть задач, лежащих на делегации, Мстиславский в то же время выразил сожаление на отсутствие пока в выступлениях конструктивных возражений, их подмену простыми придирками. Нас обвиняют в том, что мы говорим с генералами, продолжал Мстиславский, но мы ведем разговор с ними по чисто техническим вопросам перемирия, все отчеты о которых опубликованы. Мстиславский высказался за то, чтобы для делегации был разработан наказ, предложив с этой целью избрать комиссию, которая его подготовит, представит в ЦИК, а тот после обсуждения вручит этот наказ делегации³.

Говоривший от фракции большевиков Сокольников отвечал на возражения Лапинского и Линдова⁴. По вопросу об обмене военнопленными Сокольников заявил, что он был бы к выгоде немцев. Относительно пункта о запрещении переброски войск Сокольников подчеркнул, что наша делегация добилась своего, лишив немцев возможности усилиться за счет увода войск с нашего фронта. По вопросу об информированности во всех деталях немецких рабочих и солдат о переговорах в Брест-Литовске он выразил уверенность в невозможности скрыть от них протоколы этой конференции.

Выступивший на заседании Дыбенко говорил о всех шагах, которые предпринимались во имя заключения мира до установления Советской власти, но которые вели лишь к затягиванию войны⁵. Дыбенко, не согласившийся также с мнением Линдова, будто немецкий народ ничего не делает для мира, заявил от имени флота, что последний выражает свое доверие нашей делегации, хотя она и действовала в Брест-Литовске без наказа ВЦИК. А вот

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

будущему Учредительному собранию, подчеркнул Дыбенко, мы дело мира не доверим.

С заключительным словом выступил Каменев, еще раз разъяснивший ряд вопросов, по которым в ходе прений выдвигались возражения или были высказаны другие точки зрения. Возвращаясь к вопросу об обмене пленными в настоящий момент, Каменев сказал, что немцы в этом случае получили бы молодых и годных для войны людей, и «было бы безумием со стороны русской делегации в то время, когда союзники не представлены при переговорах и этим самым находятся еще в периоде войны с Германией, дать последней такой сильный козырь в руки»¹. Говорил Каменев и относительно тех возражений, которые были высказаны в выступлении Лапинского, обвинявшего делегацию, в частности, в сдаче позиций по вопросу о сроках перемирия (с 6 месяцев до 28 дней). Мы смотрели «на предварительное перемирие как на нечто такое, что дает возможность фактически приостановить бойню и дать возможность народам прийти в себя», отвечал Каменев на это возражение². И, продолжая, он подчеркнул: «Мы верим, что после приостановления военных действий очень трудно будет снова к ним перейти»³. Имея в виду тот революционный подъем, который был в стране, ту веру в идеалы братства между всеми трудящимися, которыми жила революционная Россия, Каменев далее говорил о сроках перемирия: «Это же время должно быть использовано для созыва мирного конгресса и в течение этого же времени правительства, которые будут упорствовать и отказываться от участия в таком конгрессе, будут своими народами притянуты к ответственности»⁴.

Когда закончилось заключительное слово Каменева, изъявил желание высказаться член нашей делегации крестьянин Сташков. Коснувшись вопроса о том, что вот некоторые думают, будто Учредительное собрание решит вопрос о мире, Сташков чисто по-крестьянски заявил, что «это еще писано по воде вилами» и все эти ссылки на Учредительное собрание напоминают ему старую пословицу — «Придет барин, барин нас рассудит»⁵.

¹ Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. там же.

После окончания прений и заключительного слова докладчика объединенное заседание ВЦИК и Петроградского Совета решило поручить комиссии, составленной из предложенных фракциями товарищей, разработать наказ для нашей мирной делегации. Было предложено также поспешить и с подготовкой обращения к трудящимся всего мира с призывом потребовать от своих правительств принять участие в мирных переговорах.

Советская власть продолжала предпринимать шаги к тому, чтобы привлечь к переговорам представителей союзных держав, официальные круги которых относились резко отрицательно ко всем мирным шагам революционной России. Газеты, например, приводили слова французского посла в Петрограде Ж. Нуланса, который заявил, что мир у Германии можно взять «лишь при победе союзников»¹. Пресса информировала читателей и о заявлении американского президента В. Вильсона, который в свою очередь также подчеркивал: «Наша задача, разумеется, выиграть войну, и мы не позволим себе замедлить шаг и не позволим отклонить себя от намеченной цели, пока война не будет выиграна»². Словом, союзники по-прежнему «отвечали»: война до победного конца, а значит, и России по-прежнему надо было держать фронт протяженностью в 1800 верст со всеми вытекающими отсюда последствиями для нашей страны³.

В одном «строю» с союзниками продолжали идти и эсеры, старавшиеся нагнетать через свои газеты атмосферу нервозности в стране, вызывать панику у обывателя, возбуждать у людей недоверие к большевикам. «Большевики обманули нас,— писала 25 ноября их севастопольская газета «Вольный Юг».— Обещали мир народам и ведут переговоры с принцами. Обещали мир без аннексий, без контрибуций и на основе самоопределения народов — и выдают нас на милость победителя, который с первого же слова подчеркивает, что мы разбитая, неполноправная страна... Россия расплачивается за политику большевиков»⁴.

25 ноября Ленин очень много внимания уделил вопросам, связанным с продолжением переговоров в Брест-Литовске. За его подписью Н. В. Крыленко направлена те-

¹ Известия ЦИК. 1917. 25 ноября.

² Там же.

³ См. там же.

⁴ Вольный Юг. 1917. 25 ноября.

леграмма¹. В ней Ленин указывал, что «для обеспечения более правильного состава военной экспертной комиссии при делегации», которая будет направлена в Брест-Литовск для продолжения переговоров, в нее, по его мнению, необходимо назначить: в качестве старшего представителя от армии, по усмотрению Крыленко, генерал-майора Базарова или генерал-майора Скалона; по одному офицеру Генерального штаба «от каждого из четырех европейских наших фронтов», при этом от Северного фронта Ленин назвал фамилию подполковника Генерального штаба Мороза; представителями флотов должны быть назначены контр-адмирал Альтфатер от Балтийского и один офицер, на усмотрение помощника главкома Румынским фронтом, от Черноморского флота. В качестве переводчика Ленин назвал и фамилию Соколова из штаба 5-й армии. В телеграмме Ленин подчеркивал, что все упомянутые лица должны прибыть в Петроград, в Смольный, утром 26 ноября для участия в составлении проекта договора о перемирии, и Крыленко надлежит на этот счет отдать соответствующие распоряжения.

А жизнь в Советской России продолжала идти своим сложным и неоднозначным путем. 26 ноября Ленин подписывает декрет, согласно которому первое заседание Учредительного собрания будет открыто по прибытии в Петроград более 400 его депутатов, то есть более половины состава этого выборного органа². Издание этого декрета вызывалось тем обстоятельством, что правая часть членов Учредительного собрания вкупе с контрреволюцией намеревалась открыть его при любом числе депутатов. Дело в том, что после разгрома мятежа Керенского — Краснова контрреволюция сама распустила «Комитет спасения родины и революции», создав вместо него 23 ноября 1917 года «Союз защиты Учредительного собрания» под председательством правого эсера В. Н. Филипповского³ (через несколько месяцев он станет одним из руководителей мятежа белочехов, а затем и эсеров). И вопросы, связанные с выборами в Учредительное собрание и его созывом, неоднократно обсуждались в Совнарком, в руководстве партии. Совнарком постановил,

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 82; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. М., 1986. С. 64.

² См.: Декреты Октябрьской революции. С. 204—205.

³ См.: Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975. С. 20.

что Учредительное собрание будет открыто 28 ноября. Однако за несколько дней до этого стало очевидным, что в Петроград прибыло очень мало депутатов, которые к тому же настроены весьма контрреволюционно. Но группа бывших министров — С. Н. Прокопович, П. Н. Малянтович и другие, действуя вместе с «Союзом защиты Учредительного собрания», намеревалась все же открыть его 28 ноября и призвала своих сторонников к демонстрации в поддержку этого решения¹. В этой обстановке Советская власть хотела иметь гарантии, что Учредительное собрание не будет использовано против народа. Этому и служил подписанный Лениным декрет об условиях открытия Учредительного собрания.

Надо сказать, что вопрос об Учредительном собрании был для Советской власти нелегким. Иллюзии относительно его созыва, вера в силу Учредительного собрания изживались среди масс с большим трудом. И это было понятно, ибо лозунг Учредительного собрания был старым требованием российской демократии. За него шли в тюрьмы и на каторгу лучшие сыны и дочери России. Все это было фактом, и от него никуда нельзя было уйти. Однако те, кто в прошлые годы выступал за Учредительное собрание, вряд ли могли даже предположить, что в условиях величайшей революции этот лозунг станет объектом политической спекуляции, а само Учредительное собрание контрреволюция попытается использовать против власти рабочих и крестьян, против Советской власти. И делали это люди, которые хотя и ходили в «правых», но многие из них ведь называли себя «социалистами». А между тем все более становилось очевидным, что контрреволюция собирается использовать Учредительное собрание во вред революционным завоеваниям трудящегося народа, намеревается с помощью Учредительного собрания вырвать власть у Советов. Вполне естественно, что Советская власть в такой обстановке постоянно должна была быть начеку и в вопросе об Учредительном собрании. И поэтому, конечно, не случайно «Известия ЦИК» писали, что рабочие и крестьяне имеют право «в случае, если Учредительное собрание попадет в руки контрреволюционеров, поставить перед всей страной вопрос, насколько такой состав Учредительного собрания действительно выражает волю трудящихся и насколько он отражает истинное настроение трудовой России»².

¹ См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. С. 20.

² Известия ЦИК. 1917. 22 ноября.

Проводя миролюбивую внешнеполитическую линию, Советская власть продолжала предпринимать в этом направлении необходимые, обеспечивающие этот курс шаги, готовиться к возобновлению мирных переговоров в Брест-Литовске. 26 ноября (9 декабря) приказом Троцкого были уволены со своих постов представители России в Англии, Японии, США, Италии, Китае, Испании, Франции, Швеции, Голландии, Швейцарии, Бельгии, Португалии, Бразилии, Уругвае, Парагвае, Чили, Аргентине, Египте, Румынии, Канаде, Сиаме, Корее, Греции¹. Причина — неполучение от них ответа на поставленный всем им вопрос: согласны ли они работать под руководством Советской власти над претворением в жизнь решений II Всероссийского съезда Советов? Относительно вопросов внешней политики это означало прежде всего их несогласие способствовать выходу нашей страны из войны и обеспечивать заключение демократического мира без аннексий и контрибуций.

Газеты сообщали также, что в эти дни в разговоре между Троцким и Крыленко, находившимся в Могилеве, затрагивался вопрос о принятии представителей Украины при Ставке, включении их в состав советской мирной делегации².

Большую озабоченность Советского правительства продолжало вызывать состояние армии. В Петрограде в эти дни начал работу общеармейский съезд, который рассматривал вопросы, связанные со снабжением армии и ее демобилизацией³. Его открыл Подвойский. Положение со снабжением фронта было катастрофическим: тяжелейшее положение со средствами, подвозящими продовольствие и фураж — имеется лишь 40 процентов необходимого транспорта; фронт располагает только 12 процентами нужного ему конского состава; катастрофическое положение с продовольствием на Северном фронте — хлеба дают менее фунта на солдата, пошли в ход сухари из неприкосновенного запаса⁴.

Тревожные сведения поступали и с различных «антибольшевистских фронтов». Все сильнее стягивался блокадный узел вокруг Советской России. Германские газеты со ссылкой на Нью-Йорк сообщали о конфискации

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 43—44.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 25 ноября.

³ См. там же. 27 ноября.

⁴ См. там же.

американскими властями 10 тысяч тонн сахара, закупленного еще до Октябрьской революции и готового к отправке в Россию¹. Пресса информировала о речи австрийского министра иностранных дел графа Чернина, которую он произнес по вопросу о мире 25 ноября в Вене². В выступлении министра звучали нотки обеспокоенности, по крайней мере Австро-Венгрии, за судьбу переговоров в Брест-Литовске. Чернин говорил: «Нам стало точно известно, что западная Антанта (западные державы) будет всеми средствами стараться пойти наперерез мирным стремлениям России, и я глубоко уверен, что мы наткнемся здесь на еще большие трудности, которые нам точно так же придется преодолеть»³.

Граф Чернин, разумеется, беспокоился прежде всего о своей стране, но сказанное им относительно позиции государств Антанты по вопросам мирных переговоров в Брест-Литовске имело под собой основание. Их конференция в Париже закончилась, и союзные державы подтвердили, что «все готовы на те жертвы, которые налагаются на них союзом»⁴. Буржуазное «Русское слово» по этому поводу писало, что «измена общему делу большевистского правительства России не только не обескуражила наших союзников», но заставила их еще сильнее напрячь свои силы⁵. Вместе с тем газета сожалела, что имеющиеся различия в оценках помешали союзникам принять определенную линию поведения по отношению к революционной России.

Думается, что последняя оценка не совсем точная. Государства Антанты придерживались четкого курса в отношении Советской России — антибольшевистского, антисоветского. Другое дело, «Русскому слову» хотелось видеть более масштабные действия союзников в этом направлении. Они были не за горами, они уже начинались. Правящие круги стран Антанты просто еще «чутьочку» выжидали, решая для себя немалой важности стратегические вопросы. Сумеет ли Германия использовать слабость России и вернуть и усилить там свои экономические позиции? Можно ли будет договориться с Германией о дележе российской добычи, имея в виду, что ресурсы Германии истощены и она не выдержит длительного напряжения

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 24 ноября.

² См. там же. 27 ноября.

³ Там же.

⁴ Там же. 28 ноября.

⁵ См. там же.

борьбы против государств Антанты? Возможно ли, наконец, руками Германии покончить с большевизмом и тем самым задушить социалистическую революцию?

Такого рода «выжидание» союзников прямо и непосредственно зависело от исхода брест-литовских переговоров. А их исход еще никто не мог предсказать. И хотя никому не было ясно, каковы будут их результаты, но все выступавшие против большевиков, Советской власти силы уже заранее отвергали внешнеполитический курс нашей страны на выход из войны, на демократический мир. «Всевозможные средства пущены в ход, чтобы сорвать дело мира, начатое со стороны России правительством Советов»¹, — подчеркивала газета «Армия и флот рабочей и крестьянской России».

Итак, мы готовились к продолжению переговоров в Брест-Литовске. Секретарь нашей делегации Карахан сообщал оттуда, что в немецких окопах распространяется воззвание за подписью Ленина и Троцкого². В нем, в частности, говорится, что «в случае, если немецкие солдаты принуждены будут идти на помощь тылу, то русские солдаты наступать не будут»³. Карахан информировал, что в связи с этим он имел полуофициальную беседу с членами германской делегации, которые расценивают этот факт, по его словам, как вмешательство в свои внутренние дела, как неискренность нашего стремления посредством перемирия достичь мира с Германией. Он подчеркивал также, что, по мнению немецкой стороны, это может привести к срыву переговоров. Немцы, сообщал Карахан, выражают сомнение к тому же относительно наших полномочий вести переговоры, поскольку, дескать, у нас нет всеобщего признания.

27 ноября (10 декабря) Владимир Ильич Ленин руководит заседанием Совнаркома. На нем среди прочих дел рассматриваются вопросы о составе советской мирной делегации для переговоров с Германией о перемирии и мире и об инструкции для делегации о ведении этих переговоров⁴. Относительно последнего Совнарком решил, что они должны основываться на Декрете о мире⁵. В соответствии с этим Ленин подготавливает «Конспект прог-

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 26 ноября.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 88—90; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 64—66.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 461.

раммы переговоров о мире»¹. По отдельным источникам, в его написании принимал участие Сталин². В нем указывались два направления в переговорах: политическое и экономическое. При этом подчеркивалось, что главной темой политических переговоров по вопросу о мире должен быть основной принцип, заложенный в нашем Декрете о мире,— мир без аннексий и контрибуций. В этом документе подробно развиваются положения нашего Декрета о мире относительно аннексии. Как бы в предвидении будущих жарких схваток с капитализмом по вопросам о судьбах стран и народов, попавших в орбиту империалистического господства, продолжается закладка основ новых норм международного права, принципов внешней политики Советского государства.

В 19 часов вечера того же дня Я. М. Свердлов открывает очередное заседание ВЦИК. Первый вопрос на повестке — наказ мирной делегации³. В принятой резолюции подчеркивалось, что «ЦИК одобряет действия делегации, ведшей в Брест-Литовске предварительные переговоры о всеобщем перемирии, и подтверждает полномочия этой делегации продолжать переговоры и предпринимать на основе решений» II Всероссийского съезда Советов «все необходимые шаги» для осуществления скорейшего перемирия в целях борьбы за всеобщий мир народов на демократических основах⁴. При голосовании она принимается абсолютным большинством голосов против 2 и при 4 воздержавшихся⁵.

27 ноября Ленин подписывает дубликат телеграммы Крыленко о составе военной экспертной комиссии при делегации⁶. В состав группы вошел ряд новых высших офицеров, которые не были в Брест-Литовске на первом этапе переговоров,— генералы В. Е. Скалон, Ю. Н. Данилов, А. И. Андогский и А. А. Самойло, подполковник И. Я. Цеплит и капитан В. А. Липский⁷. Последний в мае 1918 года будет назначен помощником начальника военной миссии в Германии и в Советскую Россию больше не

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 121—122.

² См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 708.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 28 ноября.

⁴ Там же. 29 ноября.

⁵ См. там же. 28 ноября.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 88; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 66.

⁷ См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 59.

вернется¹. Уже поздно вечером Ленин подписывает полномочия членам ВЦИК А. А. Иоффе, Л. Б. Каменеву и А. А. Биценко на ведение переговоров о заключении мира и удостоверения, подтверждающие эти их полномочия. В тот же день советская делегация выехала в Брест-Литовск².

Пока делегация добиралась до Брест-Литовска, в Петрограде антисоветские партии во главе с кадетами 28 ноября (11 декабря) предприняли, вопреки декрету СНК от 26 ноября, попытку проникнуть в Таврический дворец и самочинно «открыть» Учредительное собрание³. Днем у главного входа в Таврический дворец собралась толпа — около тысячи человек. Она оттеснила караул. Незначительная часть людей, среди которых было до 20 депутатов Учредительного собрания, проникла в зал дворца, расселась, и эсер Шрейдер, заняв председательствующее место, объявил высокое заседание, «собравшееся согласно постановлению Временного правительства», открытым. В поддержку этой акции от Невского проспекта до Таврического дворца прошла колонна до 10 тысяч человек. Лозунги демонстрантов не были антисоветскими, но рабочие и солдаты в колонне отсутствовали. Обо всех этих событиях Ленин узнал во второй половине дня⁴. В Смольный был вызван командующий Петроградским военным округом В. А. Антонов-Овсеенко, получивший приказание немедленно пресечь это выступление⁵. Поздно вечером СНК принимает воззвание «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым»⁶. Относительно Учредительного собрания в нем говорилось: «Врагам народа, помещикам и капиталистам, не должно быть места в Учредительном собрании! Спасти страну может только Учредительное собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплуатируемых классов народа! Да здравствует революция! Да здравствуют Советы! Да здравствует мир!»⁷ Как подчеркивал орган левых эсеров «Знамя Труда», «если Учредительное собрание осуществит заветные желания трудового народа, если оно станет по пути зак-

¹ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 115.

² См.: *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 353.

³ См.: *Известия ЦИК.* 1917. 29 ноября.

⁴ См.: *Владимир Ильич Ленин.* Биографическая хроника. Т. 5. С. 93.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же; *Известия ЦИК.* 1917. 28 ноября.

⁷ *Декреты Октябрьской революции.* С. 216.

репления уже завоеванных позиций — оно станет властью, ибо оно соберет вокруг себя симпатии всей демократии и в ней найдет себе прочную опору»¹.

29 ноября советская делегация прибыла в Брест-Литовск². Через несколько часов после прибытия в своей комнате застрелился один из военных экспертов нашей делегации, генерал Скалон. Газеты сообщили, что причина — нервное расстройство³. В воспоминаниях военного эксперта нашей делегации генерала А. А. Самойло по поводу этого случая говорится, что Скалон в день смерти получил от кого-то письмо с сообщением о неверности своей супруги⁴. На следующий день, 30 ноября, Совнарком выражает соболезнование его жене; дочери генерала Советское правительство назначило пенсию⁵. Тело генерала было отправлено из Брест-Литовска в Киев, где проживали его родные⁶.

30 ноября переговоры в Брест-Литовске возобновились. В день их открытия «Известия ЦИК» за подписью Троцкого публикуют статью «К мирным переговорам»⁷. В ней были изложены те принципы, которые Советское правительство клало в основу мирных переговоров. «Никаких насильственных аннексий, — говорилось в статье. — Судьба народов, их хозяйства, их государства, их культуры не должна решаться силою штыков. Только свободная воля самого народа должна определять его принадлежность к тому или другому государственному целому или его государственную независимость. Все народы, которые чувствуют или сознают себя угнетенными, должны получить возможность свободно высказаться путем референдума о своей дальнейшей судьбе». «Известия ЦИК» обращали внимание и на характер переговоров. «Перемирие получает в настоящее время сепаратный характер... — заявляла газета. — Ответственность за сепаратный характер перемирия падает целиком на те правительства, которые отказались до сих пор предъявить свои условия перемирия и мира, которые продолжают скрывать от своих и чужих народов те цели, во имя которых должна про-

¹ Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

² См. там же. 6 декабря; Буревестник. 1917. 2 декабря.

³ См.: Буревестник. 1917. 2 декабря.

⁴ См.: Самойло А. Две жизни. М., 1958. С. 188.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 97; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 114.

⁶ См.: Баку. 1917. 9 декабря.

⁷ См.: Известия ЦИК. 1917. 30 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 45—46.

должаться война». Вместе с тем газета вновь подчеркивала: «Сепаратное перемирие не есть еще сепаратный мир. Но оно означает опасность сепаратного мира. Предупредить эту опасность могут только сами народы». Другими словами, Советская власть еще раз обращалась к рабочему классу, к его социалистическим партиям, к народам стран Антанты и Четверного союза с призывом выступить за действительно демократический мир.

Итак, переговоры в Брест-Литовске возобновились 30 ноября. На утреннем заседании, как сообщал Карахан, дискуссии шли вокруг трех вопросов: о переброске частей с Восточного на Западный фронт, некоторых морских вопросах, условия братания¹. Немцы, отходя от своих первоначальных позиций по второму и третьему пунктам и идя по ним на уступки, еще раз сделали попытку настоять на своем по вопросу о перебросках войск. После длительного и бесплодного обсуждения был сделан перерыв до вечера, с тем чтобы обе стороны имели возможность связаться со своими правительствами, со ставками, заинтересованными военными лицами и учреждениями. Вечером после перерыва советская делегация, сохраняя инициативу, внесла ряд предложений по вопросам обмена гражданскими лицами, больными и инвалидами, по вопросам улучшения положения военнопленных, облегчения культурных и хозяйственных связей. Но камнем преткновения по-прежнему оставался вопрос о запрещении переброски войск с Восточного на Западный фронт. Как скажет уже после получения известия о подписании в Брест-Литовске перемирия Троцкий на заседании Петроградского Совета 2 декабря, немцы сначала и слышать не хотели, что им нельзя будет перебрасывать войска с нашего фронта на запад².

В ночь с 30 ноября на 1 декабря (с 13 на 14 декабря) Ленин из сообщений нашей делегации узнает, что в Брест-Литовске возникла конфликтная ситуация по вопросу о прекращении оперативных перебросок войск с русско-германского фронта на Западный фронт³. И он тут же дает указание категорически настаивать на этом нашем требовании. А оно имело под собой все основания: Германия, пользуясь тем, что перемирие еще не подписано

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 1 декабря.

² См. там же. 6 декабря.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 98—99; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 66.

и пункт о переброске пока еще висит, так сказать, в воздухе, не теряла даром времени и заменяла свои части на западе солдатами с востока. Во всяком случае, советская сторона имела на этот счет достаточно фактов. Газеты со ссылкой на французские и английские источники сообщали, что немцы еще до подписания соглашения о перемирии с Россией всех 20—30-летних солдат на Восточном фронте заменили старшими по возрасту или молодыми рекрутами¹. Естественно, что последние были едва обученными. Таким образом, на нашем фронте номинально стояли те же части, что и прежде, но заранее принятыми мерами немцам удалось все же усилить состав своих дивизий на западе путем включения в них более боеспособных солдат с русского фронта. Этим способом немцы пользовались и в дальнейшем, о чем свидетельствовали показания перебежчиков, подтверждавших слух об отправке молодых солдат из частей на Западный фронт². Об этом же вспоминал и Гинденбург, который, говоря о подписании на Восточном фронте перемирия, подчеркивал: «Ввиду разложения русской армии мы еще раньше отвели оттуда большую часть наших боевых сил, оставив только часть боеспособных дивизий до окончательного расчета с Россией и Румынией»³.

В день начала работы мирной конференции в Брест-Литовске вновь резко обострился вопрос об Учредительном собрании. О нем говорили на IV съезде партии эсеров, продолжавшем свои заседания в Петрограде. Так, Е. М. Ратнер подчеркивала необходимость организации вооруженных частей, создания боевых дружин в защиту Учредительного собрания, не исключая при этом возможности борьбы путем применения террора⁴. Одновременно продолжались заседания и II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Здесь вопрос об Учредительном собрании затронул в своем выступлении А. Л. Колегаев, говоривший от имени левых эсеров (в ноябре 1918 года он будет принят в партию большевиков)⁵. Напомнив съезду, что Учредительное собрание существует для народа, а не народ для него, Колегаев охарактеризовал лозунг «Вся власть Учредительному собранию» как ошибочный,

¹ См.: Вольный Юг. 1917. 12 декабря.

² См.: Революционная ставка. 1917. 22 декабря.

³ Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. С. 66.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 2 декабря.

⁵ См. там же. 3 декабря; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 522.

поскольку априори совершенно неизвестно, как оно поведет себя по вопросам земли, мира и другим. Как подчеркивали «Известия ЦИК», говоря о будущей судьбе Учредительного собрания, если оно «пойдет в ногу с развивающейся революцией, то оно пойдет вместе с Советами»¹. Но будет ли это так на самом деле, сказать было нельзя. Более того, факты пока свидетельствовали об обратном². Контрреволюция готовилась к «использованию» Учредительного собрания в своих интересах, к замене им Советской власти. Из различных губерний страны (Рязанской, Костромской, Курской, Псковской, Витебской, Тверской, Смоленской) поступали сведения о том, что во время выборов в Учредительное собрание имели место многочисленные случаи подтасовок со списками людей, имеющих право голоса, из избирательных урн изымались поданные за большевиков бюллетени и заполнялись голосами за кадетов, неправомерно лишали права голоса или вообще не выдавали бюллетеней тем, кто симпатизирует большевикам.

Вечером 1 декабря Ленин разъясняет большевистской фракции Учредительного собрания позицию Советского правительства по отношению к этому органу³. Поздно вечером того же дня он участвует в заседании ВЦИК, где вновь излагает точку зрения СНК по вопросу об Учредительном собрании⁴. Подчеркивая, что, прикрываясь лозунгом Учредительного собрания, кадеты развязывают гражданскую войну, Ленин заявил: «Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат,— другие средства не изобретены»⁵. Развязывая гражданскую войну и усиливая саботаж, говорил Ленин, буржуазия срывает дело перемирия⁶. После выступления Ленина и прений ВЦИК большинством в 150 голосов против 98 и при 3 воздержавшихся одобрил декрет СНК об открытии Учредительного собрания при на-

¹ Известия ЦИК. 1917. 2 декабря.

² См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 1 декабря.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 103.

⁴ См. там же. С. 103—104; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 135—137.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 136.

⁶ Там же. С. 137.

личии 400 его членов¹. ВЦИК расценил решение СНК «самым целесообразным способом обеспечить в кратчайший срок созыв Учредительного собрания»².

2 (15) декабря «Известия ЦИК» публикуют сообщение Карахана из Брест-Литовска, в котором он информирует Троцкого о том, что после длительного обсуждения делегации Четверного союза согласились принять предложенную советской стороной формулировку пункта о переброске войск с Восточного на Западный фронт³. В тот же день в 20 часов из Ставки Крыленко (из Могилева) было официально сообщено, что переговоры привели к заключению перемирия⁴. Договор о перемирии 2 (15) декабря 1917 года в Брест-Литовске подписали А. Иоффе, Л. Каменев, А. Биценко — со стороны России; Зекки — от Турции; полковник П. Ганчев — со стороны Болгарии; полковник Покорный, барон Франц фон Мирбах, майор Бергер, Чаки — от Австро-Венгрии; капитан Гей, капитан 1-го ранга Горн, ротмистр запаса фон Розенберг, майор генштаба Бринкман, генерал-майор Гофман — со стороны Германии⁵.

Перемирие заключалось на 28 дней: с 14 часов 4 декабря 1917 года (с 12 часов 17 декабря по новому стилю) до 14 часов 1 января 1918 года (до 12 часов 14 января 1918 года). Обе стороны имели право, начиная с 21-го дня перемирия, отказаться от него с предупреждением о том за 7 дней до возобновления военных действий. Если же ни одна из сторон за 7 дней до истечения срока перемирия не заявляет о своем желании прервать его, то оно автоматически продлевается, пока одна из сторон не откажется от него с предупреждением за 7 дней.

Перемирие распространялось на все сухопутные и воздушные силы договаривающихся государств, расположенные на сухопутном фронте между Балтийским и Черным морями. Одновременно перемирие наступает и на русско-турецком театре военных действий в Азии. При этом договаривающиеся стороны обязались на время перемирия на названных фронтах и на островах Моонзунда не усиливать числа войсковых соединений, а также их

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 466; Декреты Октябрьской революции. С. 205.

² Там же.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 2 декабря.

⁴ См. там же. 3 декабря; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 47—52.

⁵ См. там же. С. 51.

состава и численности, не предпринимать на этих фронтах перегруппировок для подготовки наступления. Был согласован и пункт о запрещении перебросок войск. Он гласил: «Договаривающиеся стороны обязуются до 1 января 1918 года (14 января 1918 года) не производить никаких оперативных воинских перебросок с фронта между Балтийским и Черным морями, за исключением тех, которые к моменту подписания настоящего договора были уже начаты»¹. Таким образом, этим пунктом мы вновь демонстрировали союзным державам свою лояльность в отношении соблюдения их интересов.

Один из пунктов перемирия разрешал в двух-трех специально организуемых местах на участке каждой русской дивизии встречи воинских чинов в дневные часы. Группы с каждой стороны при таких встречах не должны были превышать 25 человек. Участвовавшим в этих встречах разрешалось обмениваться газетами, журналами и открытыми письмами для последующей доставки их по назначению, а также предоставлялось право торговли и обмена предметами первой необходимости. Эти «пункты сношения», как они назывались официальным языком в договоре о перемирии, организовывались в местах, совместно определяемых сторонами, и обозначались белыми флагами. В приказе по армии, изданном Крыленко в связи с достижением перемирия, эти пункты именовались как «участки для братания»². «Влейте через братание,— подчеркивалось в приказе,— революционный жар в сердца измученных войною солдат противника, но строго соблюдайте условия договора»³. Разумеется, мы использовали эти места встречи солдат двух сторон для самой широкой пропаганды наших идей, идей Октября, идей мира и дружбы между народами. И страны австро-германского блока не могли не пойти на это, у них не было выхода: перемирие и мир им были нужны не менее, чем нам. В воспоминаниях Людендорфа об этом говорится так: «На некоторых пропускных пунктах, по желанию русских, было даже допущено сообщение между фронтами. Намерение вести пропаганду было совершенно ясно. Но главнокомандующий востоком был убежден, что соответствующими мероприятиями он сумеет справиться

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 47.

² См.: Революционная ставка. 1917. 5 декабря.

³ Там же.

с этой пропагандой. Мы пошли и на это условие, лишь бы прийти к соглашению»¹.

В договоре о перемирии запрещалось нападение с моря и с воздуха на порты и побережья договаривающихся сторон на всех морских театрах войны, равно как судам входить в гавани и подходить к берегам, занятым другой стороной. Запрещались полеты над портами и побережьем договаривающихся сторон на всех морских театрах, перелеты демаркационной линии. Кстати, последней как таковой практически не было, и ею служили передовые заграждения сторон. Что касается морских пространств, то эта линия определялась по взаимному соглашению сторон, зафиксированному в договоре о перемирии.

Было предусмотрено также, что с момента вступления договора в силу с целью наблюдения за его правильным выполнением учреждаются особые комиссии с местом пребывания в Риге, Двинске, Брест-Литовске, Бердичеве, Колошваре, Фокшанах и Одессе².

Один из пунктов договора касался Персии и гласил: «Исходя из принципов свободы, независимости и территориальной неприкосновенности нейтральной Персии, русское и турецкое Верховные Командования выражают готовность вывести свои войска из Персии. Для разработки деталей такого вывода войск, а также для обеспечения вышеуказанных принципов русское и турецкое Верховные Командования вступают немедленно в переговоры с персидским правительством»³.

Важной представляется короткая формулировка девятого пункта: «Договаривающиеся стороны непосредственно после подписания настоящего договора о перемирии приступают к мирным переговорам»⁴. И в этом плане большое значение имело Добавление к договору о перемирии, подписанное в Брест-Литовске в тот же день⁵. Согласно ему стороны условились принять меры для быстрого урегулирования вопроса об обмене гражданских пленников и инвалидов непосредственно через фронт, имея в виду в первую очередь возвращение на родину задержанных в течение войны женщин и детей до 14 лет. Стороны согласились немедленно принять все возможные меры для взаимного улучшения положения военнопленных.

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 91.

² См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 50.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. С. 52.

«В целях облегчения ведения мирных переговоров,— подчеркивалось в Добавлении,— и скорейшего излечения ран, нанесенных войною цивилизации, договаривающиеся стороны принимают меры к восстановлению культурных и хозяйственных сношений между странами, заключившими перемирие. В этих целях принимаются, между прочим, меры к облегчению, в пределах, допускаемых перемирием, почтовых и торговых сношений, пересылки книг, газет и пр.»¹. В заключение Добавления говорилось, что для определения деталей по указанным вопросам в Петрограде в ближайшем будущем создается смешанная комиссия из представителей всех заинтересованных сторон.

Несколько позднее, 5 (18) декабря, в городе Эрзинджане было подписано соглашение о перемирии на Кавказско-Турецком театре военных действий². Вообще надо сказать, что на этом фронте борьба за мир, равно как и на Румынском, проходила с гораздо большими трудностями, что объяснялось как отдаленностью этих районов страны от Петрограда и Москвы, так и значительным влиянием здесь контрреволюции, а также националистических партий и организаций на территориях нынешней Украины, Молдавии, Бессарабии, Грузии, Азербайджана, Армении.

В основе перемирия между русскими и турецкими армиями лежал, разумеется, общий договор о перемирии, подписанный в Брест-Литовске. При этом срок действия этого договора был иным: он вступал в силу с 1 часа 5 декабря 1917 года (18 декабря 1333 года по турецкому исчислению) и «до заключения окончательного мира»³. И нарушение его «одной из сторон» могло «последовать лишь с предупреждением за четырнадцать (14) суток до начала боевых действий»⁴.

Здесь также был пункт, который свидетельствовал о нашей позиции в отношении обеспечения интересов союзных держав. Этот пункт гласил: «С момента вступления настоящего договора в силу обе стороны взаимно обязуются не производить никаких оперативно-стратегических передвижений, перегруппировок и перевозок, выходящих из рамок обычной смены частей боевой линии частями из резерва, и особенно в целях переброски их на

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 52.

² См. там же. С. 53—57.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же.

Месопотамско-Сирийский фронт»¹. Другими словами, речь шла о запрещении переброски войск на фронт, где действовали вооруженные силы Великобритании. И насколько серьезно мы относились к этому запрету, говорит заключительная фраза этого параграфа: «Нарушение этого пункта должно знаменовать собою возобновление военных действий»².

С нашей стороны этот договор был подписан начальником штаба Кавказской армии генерал-майором Вышинским, командиром 156-го пехотного Елизаветинского полка в звании полковника, солдатом Ал. Смирновым, приват-доцентом В. Тевзая, переводчиком штаба Кавказской армии капитаном Ведринским³. К договору о перемирии между русскими и турецкими армиями был приложен акт о демаркационных линиях, подписанный в тот же день и теми же лицами⁴.

Итак, перемирие на русском фронте было подписано. Оно было сепаратным, но в этом нет никакой «вины» Советской власти. В этом была только ее заслуга: восемь месяцев Временное правительство обманывало народ, обещая заключить мир, и лишь месяц (но какой напряженный и какой тяжелейший!) понадобился власти Советов, чтобы дать народу передышку. Она знаменовала окончание одного этапа борьбы за мир и переход к другому, еще более сложному и ответственному.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 54.

² Там же.

³ См. там же. С. 56.

⁴ См. там же. С. 56—57.